

Роберт Луис Стивенсон

Провидение и гитара

Новые тысячи и одна ночь

Роберт Льюис Стивенсон

Провидение и гитара

«Public Domain»

1878

Стивенсон Р.

Провидение и гитара / Р. Стивенсон — «Public Domain»,
1878 — (Новые тысячи и одна ночь)

«Месье Леон Бертелини всегда заботился о своей внешности и старательно согласовывал с ней осанку, манеры, речь, да и душевное его настроение чаще всего гармонировало с костюмами, которые он надевал в тот или иной час дня. Даже в домашней обстановке он являл собой подобие то испанского идадьго, то театрального бандита, и часто от него положительно веяло Рембрандтом. Между тем он был человеком маленького роста, с несомненной склонностью к полноте и добродушнейшим лицом, почти всегда отражавшим великолепное расположение духа. Выделялись лишь его чрезвычайно выразительные темные глаза, в которых светились веселый характер, неугомонный дух и вообще вся его подвижная натура...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	8
Глава III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Роберт Льюис Стивенсон

Провидение и гитара

Providence and the Guitar, 1878

* * *

Глава I

Месье Леон Бертелини всегда заботился о своей внешности и старательно согласовывал с ней осанку, манеры, речь, да и душевное его настроение чаще всего гармонировало с костюмами, которые он надевал в тот или иной час дня. Даже в домашней обстановке он являл собой подобие то испанского идадьго, то театрального бандита, и часто от него положительно веяло Рембрандтом.

Между тем он был человеком маленького роста, с несомненной склонностью к полноте и добродушнейшим лицом, почти всегда отражавшим великолепное расположение духа. Выделялись лишь его чрезвычайно выразительные темные глаза, в которых светились веселый характер, неутомимый дух и вообще вся его подвижная натура.

Явись он перед вами в соответственном костюме, и вы могли бы его принять за что-то среднее между говорливым брадобреем, содержателем гостиницы и любезнейшим аптекарем. Но стоило ему облачиться в любимый костюм: затейливо обвязать шею беленьким платочком, взамен или в отрицание галстука; надеть бархатную, дерзостно вызывающего вида куртку, за которой следовало что-то вроде театрального трико; на ноги – башмаки из материи, еще более тонкой, чем на сцене у персонажей Мольера (в любую погоду), да еще лихо накрыть голову мягкой шляпой, огромные поля которой то скрывали, то обнаруживали свесившуюся над его бровью прядь густых кудрей, точно у богов Олимпа, – и вы тотчас, при первом же взгляде, должны были понять и признать, что перед вами «избранная натура» – великий человек.

Надевая пальто, Бертелини, разумеется, презирал употребление рукавов. Пристегнув его одной пуговицей на плечах и откинув назад наподобие театрального плаща, он ходил с поступью и манерами графа Альмавивы.

Я придерживаюсь того мнения, что господину Бертелини было уже около сорока лет, но сердцем он оставался совсем юным. Как дитя любовался он своим щегольским видом и вообще жизненный путь пробегал с беспечностью ребенка, постоянно играя какую-нибудь роль со всеми радостями ее переживаний. Жизнь не даровала Леону Бертелини и малой доли богатства или эффектной внешности графа Альмавивы, но это нисколько не мешало ему всецело проникаться настроениями испанского гранда и то и дело играть в него.

Я видел его в минуты подобного самовнушения. Он так сживался со своей ролью, вкладывал в нее столько теплоты, естественности, заразной веселости, что впечатление получалось поразительное.

Тогда я и уверовал в эту позу «великого человека».

Но действительная жизнь – увы! – строится не на таком зыбком фундаменте. Нельзя прожить век одной альмавивщиной, и «великий человек», провалившись в разных театрах, вынужден был спуститься с заветной артистической вышины. Пришлось зарабатывать себе хлеб насущный игрой на гитаре и пением комических куплетов и романсов, по десятку и более каждый вечер. Вдобавок во время турне в провинции после собственных концертов ему приходилось устраивать «беспроигрышные» лотереи...

Была и мадам Бертелини – верная подруга мужа и единственная соучастница его скромной артистической деятельности. По-видимому, на лестнице разумных существ она занимала более высокое место, чем ее муж, и это придавало ей естественное выражение собственного достоинства, сменявшееся порой несколько меланхолическим выражением. Этот вид придавал ее вообще красивым чертам особого рода привлекательность и несомненно шел к ней, но совершенно не гармонировал с жизнерадостным, то и дело приподнятым до небес, почти мальчишеским задором ее супруга.

Он же все парил в небесах, точно сокол при свежем ветерке, высоко и далеко от волнений и зла грешной земли. Суровые бури нередко омрачали его небосклон, но на него не действо-

вали ни угрюмые туманы, ни угнетающая атмосфера. Он не знал, что такое слезливый упадок сил. На злую напасть, на горькую, незаслуженную обиду он отвечал эффектным ударом кулака по столу или гордой позой, подсмотренной у Меленга или Фредерика, – и этого было достаточно, чтобы развеять минутный гнев или «отомстить» нечестивому обидчику. Пусть хотя бы небо валилось, но если при этом Леону Бертелини досталась «хорошая» роль, он больше ничего бы не потребовал и остался бы совершенно доволен.

Если не сами поступки, то дух их, вся атмосфера, в которой витал Леон Бертелини, увлекали и его жену. Они давно и горячо любили друг друга. По природным склонностям супруги Бертелини, казалось бы, должны были очень скоро разойтись; между тем они продолжали жизненный путь вместе, рука об руку, поддерживая и утешая друг друга.

Глава II

Однажды чета Бертелини прибыла на гастролы в крохотный городок Кастель-ле-Гаши. Пассажиров и их багаж – два чемоданчика и гитара в затаканном и засаленном от времени футляре – забрал с железнодорожной станции омнибус и отвез на узенькую улицу к мрачному зданию старинного вида, вроде монастыря, с такими толстыми стенами, что стоило запереть ворота и можно было бы выдержать продолжительную средневековую осаду. Это была гостиница «Черная голова». Путешественников при входе поразил запах, несшийся от внутренних покоев, – странная смесь испарений от соломы, шоколада и старых женских одежд.

Бертелини даже приостановился на пороге. Его охватило какое-то тягостное предчувствие. Ему показалось, что он и раньше входил в такую же гостиницу, от которой пахло так же скверно, и приняли его там не очень любезно.

Хозяин в широкой шляпе – Бертелини увидел трагический тон в ней и ее обладателе – встал со стула, над которым висела огромная связка ключей его комнатных и ящичных владений, и, обнажив голову, выступил навстречу приезжим с самой широкой медовой улыбкой, почтительно держа «трагическую» шляпу обеими руками.

– Милостивый государь, имею честь кланяться! Позвольте вас спросить, какую плату вы берете с артистов за комнату и ужин? – произнес Бертелини тоном довольно торжественным, но вполне вежливым и даже с маленькой заискивающей ноткой.

– «С артистов»?! – повторил хозяин, и с лица его мгновенно сбежала приветственная улыбка. – С артистов, – прибавил он уже совсем грубо, – четыре франка в сутки! – И повернулся к Бертелини спиной.

Приезжие оказались слишком незначительными.

Во французских провинциальных гостиницах скидкой обычно пользуются и артисты и коммивояжеры, но отношение к этим двум категориям лиц совершенно различное. Коммивояжеры – желанные гости. Они могут требовать что угодно, даже заклания жирного тельца, и все в гостинице к их услугам. Артистов же, хотя бы они обладали наружностью и манерами графа Альмавивы или по богатству костюма производили такое же впечатление, как царь Соломон в пышных одеждах во время его наивысшей славы, встречают чуть ли не как собак и прислуживают им с той же бесцеремонной небрежностью и нахальным невниманием, как случайно заехавшей, одинокой и робкой женщине.

Как ни привык Бертелини к трениям своей профессии, его неприятно покоробили манеры хозяина.

– Эльвира! – шепнул он жене. – Запомни мои слова о Кастель-ле-Гаши: трагическое безумие!

– Подожди. Посмотрим, что можно покушать, – ответила Эльвира.

– Мы ничего здесь не съедим, – возразил Бертелини. – Нас здесь угостят обидами, а не обедом. Эльвира, ты знаешь, какой у меня дар предвидения: это место проклято! Хозяин отеля груб, как скотина. Полицейское начальство здесь, конечно, в том же роде. Концерт не даст сбора. Ты простудишь себе горло. Глупо, страшно глупо было с нашей стороны ехать в этот Кастель-ле-Гаши. Пропавшая поездка! Это будет второй Седан!

Седан был городом, ненавистным обоим Бертелини не только из-за их патриотических чувств (оба Бертелини были чистейшими французами), но еще и оттого, что в нем они пережили самый неприятный эпизод своей артистической жизни: им пришлось целых три недели просидеть в одной гостинице в качестве залога уплаты своего собственного счета, и если бы не совершенно случайный, прямо изумительный поворот фортуны, они и поныне, быть может, сидели бы там в плену.

Напоминание про дни в Седане производило на чету Бертелини впечатление неожиданного громового удара или первого содрогания почвы при землетрясении.

Граф Альмавива с отчаянием глубоко нахлобучил шляпу; вздрогнула даже Эльвира, словно перед ней мелькнул злоеущий призрак.

– Закажем все-таки завтрак, – промолвила она с чисто женским тактом.

Полицейское начальство города Кастель-ле-Гаши олицетворялось в дородном, краснолицем, прыщеватом и вдобавок вечно потном комиссаре. Подобно множеству представителей его профессии он был больше полицейским, чем человеком; более проникнут чванством, чем сознанием законности и служебного долга. Беспричинно оскорбляя обывателя, он всерьез был уверен, что этим угождает правительству. Одним словом, это была грубая скотина не только по отсутствию образования и человеческого достоинства, но и по убеждению, что именно таким должен быть образцовый полицейский. Его «канцелярия» представляла собой темную дыру, откуда до слуха прохожих то и дело доносились не слова закона, а грубые выкрики полицейского «усмотрения».

Шесть раз в течение дня Бертелини отправлялся в эту канцелярию за получением полицейского разрешения на концерт, шесть раз находил ее пустой, шесть раз дожидался там комиссара, шесть раз уходил, не дождавшись его. Многие горожане сразу его приметили, и скоро Бертелини стал в городке известной личностью – на него прямо указывали, как на господина, «который ищет комиссара». Немедленно образовался отряд добровольцев: уличные мальчишки с восторгом «искали комиссара» вместе с артистом, то следуя за ним по пятам, то шумно опережая его.

Трудно было при таких условиях сохранять непринужденно-гордую осанку Альмавивы и играть его роль! Бертелини менял и позы, и жесты, давал своей огромной шляпе самые разнообразные наклоны, останавливался и с особым шиком крутил папиросы, затем быстро шагал вперед, но все это начинало приедаться и актеру, и зрителям. К счастью, когда Бертелини уже в тринадцатый раз переходил через базарную площадь, ему указали на комиссара, который стоял около базарных весов в расстегнутом сюртуке и с заложенными за спину руками. Он наблюдал за взвешиванием сливочного масла. Бертелини быстро проложил себе дорогу через базарные чаны и стойки и подошел к должностному лицу с поклоном, который по изяществу должен был бы считаться верхом совершенства в актерском искусстве.

– Кажется, я имею честь видеть господина комиссара полиции? – спросил Бертелини.

Такое «благородное» обращение произвело на комиссара большое впечатление, и он даже превзошел Леона Бертелини, если не изяществом, то глубиной ответного поклона.

– Это я самый и есть! – ответил он, стараясь придать багровому лицу посильное выражение любезности.

– Милостивый государь, – продолжал странствующий певец, – я артист. Простите, что по личному делу я позволяю себе беспокоить вас во время исполнения служебных обязанностей. Сегодня вечером я намерен дать концерт – маленькое музыкальное развлечение в зале кафе «Торжества плуга» – вы позволите представить вам эту программку? – и явился к вам за требуемым по закону разрешением.

При слове «артист» комиссар тотчас надел снятое им при поклоне кепи и принял вид человека, который, сообразив, что его снисходительность зашла слишком далеко, вдруг вспоминает свое положение в обществе и обязанности службы.

– Я занят! Я должен следить за взвешиванием масла! Проходите! – произнес он, придав голосу надлежащую начальственную сухость.

«Проклятый полицейский!» – подумал Леон. – Но позвольте, господин комиссар, – продолжил он вслух, – я уже шесть раз был у вас.

– Представьте вашу бумагу в канцелярию, – перебил полицейский. – Через час или два я посмотрю, в чем дело. А теперь уходите! Я занят!

«Глядишь на масло! – подумал Бертелини. – О, Франция! И для этого ты сделала девяносто третий год!»¹

Леон принялся за хлопоты по устройству концерта. Скоро в столовых всех гостиниц и харчевен были положены программы вечера. В конце общего зала «Торжества плуга» появились подмости. Бертелини снова отправился к комиссару, и того снова не оказалось в полицейском участке.

«Этот комиссар настоящая госпожа Бенуатон, – подумал Бертелини. – Проклятый полицейский!»

Он уже направился назад, как в дверях очутился лицом к лицу с комиссаром.

– Вот, – сказал Леон, – мои документы. Не будете ли столь любезны их проверить?..

Но комиссар хотел есть и шел обедать.

– Не надо, не надо! Я занят! Давайте свой концерт, – буркнул он и поспешил домой.

– Проклятый полицейский! – воскликнул Леон.

¹ Имеется в виду Великая французская революция.

Глава III

Публики на концерте собралось очень много, и хозяин кафе в этот вечер отлично торговал пивом, но чета Бертелини проработала почти впустую.

Между тем Леон был великолепен. Бархатный костюм на нем так и сиял; одна его манера, особенно шикарная – крутить папироски в перерыве между песнями, – положительно стоила денег; комические места в куплетах он подчеркивал так рельефно, что даже самые заплывшие жиром мозги в Кастель-ле-Гаши могли понять, что именно тут надо засмеяться; наконец, гитара звучало быстро, громко, увлекательно.

Со своей стороны и Эльвира распевала свои романсы и патриотические песни с большим подъемом чем обыкновенно; голос ее разливался широкой волной, ласковой даже для требовательного слуха. И сама она, в роскошном коричневом платье, с модной тогда низкой талией и отсутствием рукавов, обнажавшим руки до самых плеч, с большим красным, провоцирующим цветком, выглядывавшим из-за лифа, была весьма эффектна. Леон все на нее любовался, когда она пела, и повторял про себя в тысячный раз, что его Эльвира – прелестнейшая из женщин. Но, увы, когда Эльвира начала обходить зал с протянутым тамбурином, «золотая молодежь» города Кастель-ле-Гаши холодно от нее отворачивалась. Лишь изредка в тамбурин падала медная монета и, несмотря на поощрение искусства со стороны местного мэра, который, впрочем – и то не сразу! – расщедрился всего на десять сантимов, весь сбор был меньше одного франка...

Холодная дрожь охватила артистов: перед такой аудиторией моллюсков у самого Аполлона заныло бы сердце. Однако оба Бертелини решили не сдаваться без жаркого боя, и снова запели – еще громче, еще веселее. С еще большей силой зазвенела гитара. Наконец Леон затянул свою лучшую песнь, свою самую эффектную сатиру, свой «великий» номер: «*Il a y des honnetes gens partout!*»². Никогда, кажется, он не пел ее с таким мастерством, но это не принимало местных моллюсков. Бертелини на всю жизнь сохранил убеждение, что кастельлегашийцы в отношении здравого смысла и музыкального слуха составляют исключение из рода человеческого. «Тупые волы, воры!» – восклицал он. Но, однако, он не сдавался: повторял свои куплеты, точно бросал вызов публике, точно провозглашал исповедание новой веры, и лицо его так сияло, что можно было подумать: лучи от него обратят на правильный путь хоть нескольких кастельлегашийцев, которые, по-видимому, больше внимания обращали на свое пиво, чем на музыку и слова песни.

Он как раз тянул заключительную высокую ноту, с широко открытым ртом и откинутой назад головой, как вдруг с сильным стуком отворилась дверь в кафе, и два новых посетителя стали шумно пробираться по залу к первому ряду «кресел», то есть преимущественно табуреток и скамеек. Это был комиссар полиции в сопровождении другого важного должностного лица – местного жандарма.

Неутомимый Бертелини снова во весь голос завопил: «Везде есть честные люди!», но теперь аудитория сразу отозвалась. Бертелини не мог понять причины: он не знал биографии жандарма и не слышал о его маленькой истории с почтовыми или гербовыми марками, но публика отлично ее знала и с великим наслаждением забавлялась совпадением сатирического куплета с местным «злободневным» вопросом.

² «Везде есть честные люди!» (франц.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.